

Моделирование дискурс-анализа и актуальные вопросы языковой политики

Д.Н. Иванова, Е.Н. Донченко

Южный федеральный университет

Аннотация: Вопросы языковой политики, которые находятся в фокусе внимания авторов статьи, неизменно привлекают специалистов в нашей стране и за рубежом. Для того, чтобы понять роль языка в жизни общества, необходимо изучить эту проблему с разных ракурсов. Авторы предлагают взглянуть на обозначенную проблему с позиций дискурс-анализа, что позволяет выйти из некоторой методологической неопределенности, формируя более или менее четкую картину возможных лингвистических проблем в полиэтнических регионах. Модели, описанные авторами в рамках теории дискурса, помогают наглядно представить различные измерения актуальных вопросов языковой политики. В этом смысле данная статья - попытка концептуально ответить на ряд фундаментальных вопросов, которые неизбежно возникают в многоязычных социумах, и попытаться с помощью полученных ответов снять «лингвистическое напряжение», характерное для этих сообществ.

Ключевые слова: дискурс, дискурс-анализ, национальная идентичность, языковая политика, системный анализ, семантическая матрица, смысловые узлы, дискурсивные практики, групповая динамика, логико-фактологическая цепь, теория дискурса.

Разработка моделей анализа дискурса в настоящий момент столкнулась с рядом объективных трудностей. Как правило, эти модели не так широко используются в научных и практических целях, как анализ текста. При этом модели анализа дискурса и текста, несомненно, характеризуются рядом схожих черт в коммуникативно-прагматическом аспекте, а именно - комплексной природой таких моделей. Однако модель анализа дискурса шире, поскольку предусматривает выход за пределы языковых факторов в экстралингвистическую сферу. Несмотря на существующие трудности в моделировании дискурс-анализа, все же значительная часть социально-культурных обобщений последнего времени была сделана на лингвистическом материале в рамках теории дискурса. Согласно этой теории социальную действительность можно представить, как совокупность дискурсивных практик. Дискурс предстает как форма самой жизни, сама реальность, которую мы воспринимаем через призму языка. Эти «формы жизни» в рамках теории дискурса находят воплощение в виде

репортажей, интервью, бесед, текстов законов и т.д. Существование любого явления социальной действительности «опосредовано обусловленным культурой дискурсом» [1]. Дискурс – многозначный термин лингвистики текста. Само понятие «дискурса» восходит к классической риторике, где он означал «язык, рассматриваемый в действии, в реальном применении». Этот деятельностный, динамический аспект понятия сохранился и в современном толковании данного термина. Здесь мы придерживаемся определения Т. А. ван Дейка, которому принадлежит приоритет в данной области исследования. Он определил дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [2].

Суммируя современные взгляды, относящиеся к понятию «дискурс», можно сформулировать следующее рабочее определение этого термина. Дискурс – язык в языке, представленный в виде особой социальной данности, при этом дискурс можно и нужно рассматривать не только как текст, под коим понимается абстрактная, формальная, письменно фиксируемая знаковая конструкция, но, как и текст + знаковая информация, то есть некая актуализация его потенциальных смыслов.

Основная цель настоящей работы заключается в построении комплексной модели дискурс-анализа, направленной на то, чтобы сделать ряд теоретических и практических выводов по интересующей нас проблеме. Поэтому за отправную точку в построении модели дискурсивного анализа языковой ситуации мы взяли рассуждения экспертов об особенностях языковой политики в Российской Федерации и странах ближнего зарубежья. Актуальность этой проблематики признается политиками, которые артикулируют интересующие нас вопросы, и в прямой форме, и опосредованной. Например, «в свете постановки проблемы национальной идентичности, в которой язык традиционно играет ключевую роль,

практическое и правовое решение вопросов языковой политики приобретает новое звучание» [3]. Обычные граждане бывших советских республик также открыто высказываются по вопросам языковой политики. Так в лингвофоруме активно комментируются высказывания политиков, и подвергаются личностной интерпретации оригинальные тексты. И наконец, в национальных парламентах активно дебатировались вопросы гражданства, миграции, национальной безопасности, включая изменения в области языковой политики на национальном, региональном, локальном и транснациональном уровнях. Также существует пространство в интернете для обсуждения тенденций в развитии миноритарных языков. Школы и другие учебные учреждения предлагают учебные пособия для обучения языку; образовательные программы должны учитывать динамично меняющуюся языковую ситуацию в нашей стране и в странах ближнего зарубежья, характеризуемую увеличением языковых коллизий в этих регионах.

Важно не забывать о ряде других потенциальных ситуаций, в рамках которых вероятно обсуждение проблем языковой политики (например, семейные или межличностные отношения и т.д.). Все эти дискурсивные практики пересекаются, формируя своеобразную точку пересечения по вопросам языковой политики, или, если воспользоваться терминологией Фуко, нам противостоит целый поток дискурсов, которые накладывают различного рода ограничения на наши восприятия и действия [4]. Системный анализ самых важных аргументаций «за» и «против» многоязычной языковой политики (или «за» и «против» принятия единого государственного языка) также вписывается в рамки нашего исследования. В первую очередь, нас интересует набор установок жителей бывших советских республик по проблемам языковой политики.

На представленной ниже модели схематично изображены уровни дискурс-анализа.

Он имеет три измерения: (1) установление специфического контекста или тематики дискурса, (2) изучение дискурсивных стратегий (включая стратегии аргументации), (3) анализ языковых средств и конкретных, контекстуально-ситуативных языковых отношений.

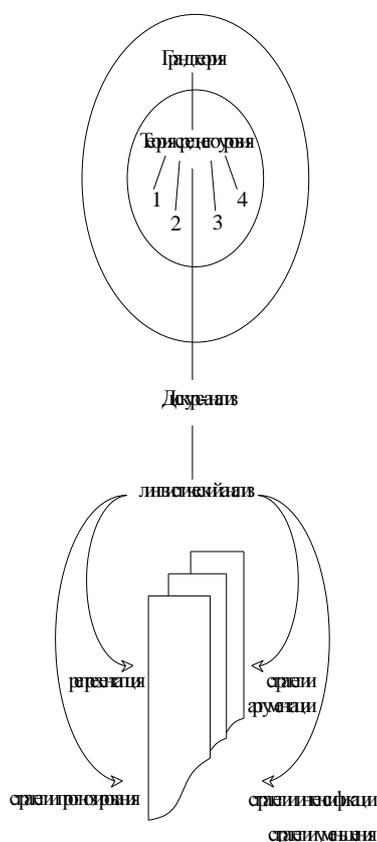

Рис. 1. – Уровни дискурс-анализа

Чтобы показать, как работает наша теоретическая комплексная модель, мы обратимся к анализу публичного дискурса по актуальным для настоящего исследования вопросам. Проанализировав официальные заявления в области

языковой политики, важно исследовать другие коммуникационные сферы, где возможно спонтанное возникновение дискуссий по изучаемой проблематике. С одной стороны, это телевизионные дебаты, а с другой - обсуждения в интернете, регламентируемые модератором. Необходимо подчеркнуть, что хотя и дискуссии на телевидении, и групповые обсуждения в интернете имеют ряд схожих характеристик, все же принято считать, что они репрезентируют совершенно различные типы дискурса. Телевизионные дебаты составляют часть нашей повседневной жизни, в то время как обсуждения на форумах формируются для проведения конкретного эксперимента с целью изучения общественного мнения. В обоих случаях влияние лица, организующего дискуссию, на ее ход огромно. Именно этот человек определяет тематику обсуждения и имеет право делать переходы. Конечно, в зависимости от конкретной ситуации, правила, регулирующие ход дискуссии, могут быть более или менее жесткими. Дискуссии или дебаты репрезентируют примеры дискурсов разговорной практики или межличностной коммуникации. Организация разговорной практики подчиняется определенным правилам, в анализе которых был сделан существенный прорыв за последние несколько десятков лет [5]. Данные авторы настаивают, и мы поддерживаем их убеждение, что выбор методов анализа зависит от конкретных целей и объектов исследования. В конструируемой нами модели акцент должен быть сделан на аргументах «за» и «против» проведения той или иной формы языковой политики. Важным аспектом моделирования дискурс-анализа является признание текста дебатов или дискуссии как «целостной лингвистической единицы» [6]. Мы считаем, что конфликтные ситуации, возникающие во время дебатов, должны анализироваться с учетом содержания всего текста. Кроме того, имеет важное значение учет групповой динамики.

Первым шагом, согласно нашей модели, должно стать составление семантической сети (матрицы). Конструируя данную сеть, мы последовательно считываем текст реплик и ведем наблюдение за развитием аргументации и выдвиганием контраргументов. Для каждой обсуждаемой темы в репрезентируемой нами модели мы ввели новую точку пересечения. Мы также обозначили дискурсивные связки между существующими темами. Нам удалось спрогнозировать возникновение следующих типов отношений в сконструированной нами модели: - симметричные отношения А (для антагонистических отношений, где X противопоставлен Y) и R (для отношений общего типа, в которых X связан с Y). - асимметричные отношения N (для причинно-следственных отношений, где X является причиной Y), P (для имущественных отношений, в которых X является собственностью Y), G (для парциальных отношений, где X является частью или типом Y) и NE (для отношений, обозначающих потребности, где X нуждается в Y). Представленная в нашей авторской модели семантическая сеть-матрица обладает мощным потенциалом, позволяя исследователю сформулировать рабочую гипотезу о динамической природе коммуникации и потоке аргументов.

В своей работе мы исходим из того, что любая форма человеческой коммуникации, а значит и понимания, диалогична по своему характеру. «Человеческая деятельность всегда разворачивается на основе множества уже имеющихся контекстов, изменяя их и порождая другие» [6]. Воспринимая или интерпретируя текст, мы так или иначе отвечаем за него, и здесь неизбежно возникают целые сети вопросно-ответных конструкций, фиксаций, разрушение привычных смыслов и порождение новых. Конечно, невозможно представить модель, в которой можно репрезентировать полный анализ всех лингвистических единиц, представленных в сети, на фоне множества контекстов с интерпретацией всех возможных смыслов. В нашем

случае мы ограничимся изучением стратегий на основе анализа «опорных смысловых узлов (тем) текста, выявления логико-фактологической цепочки, связывающей аргументы, интерпретации содержательной стороны аргументов, изучения групповой динамики» [7].

Такие групповые дискуссии позволяют проверить мнения на основе определенных предположений, допущений и отношений к проблеме со стороны элитных групп. Например, цитата из газеты может послужить своего рода триггером для перехода на новый уровень обсуждения или для изменения тематики. Участники дискуссии начинают обсуждать смысл, который они вкладывают в эту цитату, одновременно порождая новые смыслы и артикулируя свою собственную позицию по дискутируемым вопросам. Логико-фактологическая цепь иногда содержит дополнительные конструкты, такие, например, как «государственный язык» или, скажем, «языковые права». В анализируемом нами ниже фрагменте текста мы воспользовались следующими сокращениями: МО = модератор, М = мужчина, Ж = женщина.

МО: Удивляют дискуссии о том, дать или не дать какому-то языку официальный статус в какой-либо стране. В Украине (и почему-то в России) кто-то хочет объявить русский язык официальным. В Казахстане «коренное население» требует увеличения роли казахского языка в общественной жизни. Русскоязычные в Прибалтике, вроде, тоже недовольны своим лингвостатусом. И все хотят, чтобы в языковые дела вмешивалось государство, объявляло приоритеты в языковой политике, принимало законы, повышало статус... А зачем это нужно? Неужели людям и вправду важно, чтобы государство приказало им говорить на правильном языке?

М1: Разумеется, можно заниматься этими проблемами на общественных началах, собрав группу энтузиастов. Выльется это все без государственной поддержки в некий клуб по интересам. Все-таки языковая

политика есть часть внутренней политики государства, которую оно должно разумно определять с учетом сложившейся ситуации. Если, например, Швейцарское государство решило, что в этой стране должно быть 4(!) официальных языка, то так тому и быть, нравится это кому-то или нет.

Ж1: Языковая политика не предписывает, на каком языке ты говоришь. Она предписывает, на каком языке составляются законы, ведется дело в суде, на каком языке преподают в школе, какой язык получает финансовую поддержку государства. В России сегодня тысячи китайцев и вьетнамцев, так Россия должна создавать школы на этих языках, субсидировать их газеты? Франция признает только один французский язык, полностью игнорируя бретонский и провансальский, не говоря уже о языках мигрантов.

МО: То есть составляется закон на государственном языке и его полстраны не понимает... Где же равенство перед законом? На мой взгляд, государство должно составлять законы, вести судопроизводство, преподавать в школах именно на том языке, на котором говорит население. Ну и что с того, если откроется школа для китайцев с китайским языком обучения в Москве? Главное ведь, чтобы ее выпускники ощущали себя россиянами. А говоря им: «вы приехали сюда – учите наш язык и плевать нам на вашу национальность», вы только отталкиваете их от России.

М2: Я не понял, что это плохо, что ли? Нам что, нужны здесь китайцы? Не нужны, тем более еще создавать им школы какие-то, национальность их холить и лелеять... Пусть в Китае живут и в школах по-китайски учатся.

М3: Если самим слабо, так почему и китайцев не приглашать? Имеется же прекрасный опыт приезда немцев в Россию. Да, со всеми языковыми правами. Пример с китайцами не очень хорош, потому что в большинстве своем они на заработки приезжают, неграждане. Но до войны много китайцев жило на Дальнем Востоке, они имели театры, школы, газеты.

М4: Покажите государство, где нет внешней политики или любой другой. Без этого одна анархия получается.

МО: Но зачем вы мешаете внешнюю политику и языковую? Я к тому, что вроде логично, что государство общается с народом на языке того самого народа. В таких случаях закон о государственном языке вообще не нужен – по логике принятия он будет равен законам о дыхании, о порядке рождения (вперед головой), об обязательном выдохе после вдоха. Возьмите Великобританию, ну, примет она закон об особом статусе английского языка – местные юристы скажут: «А зачем принимать закон, чтобы констатировать факт?» Другое дело, что одна часть населения, чисто из комплекса неполноценности делает свой язык «государственным», а остальным говорит: «А вы обязаны учить язык, или уезжайте на родину к себе!» Разве не так ситуация сложилась и в других странах? Я ведь не один такой русофоб на всю округу – нас миллионы, почему тогда со мной не считается правительство, которое я сам же и оплачиваю? Так может думать и русский человек на Украине, и тот же китаец во Владивостоке.

Ж1: Давайте не мешать бытовое отношение казаков, которые говорят «геть», и языковую политику.

МО: Одно дело, когда издается закон, дабы заставить государство говорить с вами на вашем языке, но другое – когда государство принимает закон только с целью того, чтобы какой-то там язык не вымер или по чисто политическим соображениям. Я считаю, что если достаточно жизнеспособная устоявшаяся общность внутри страны говорит на энном языке, то она имеет на это право...

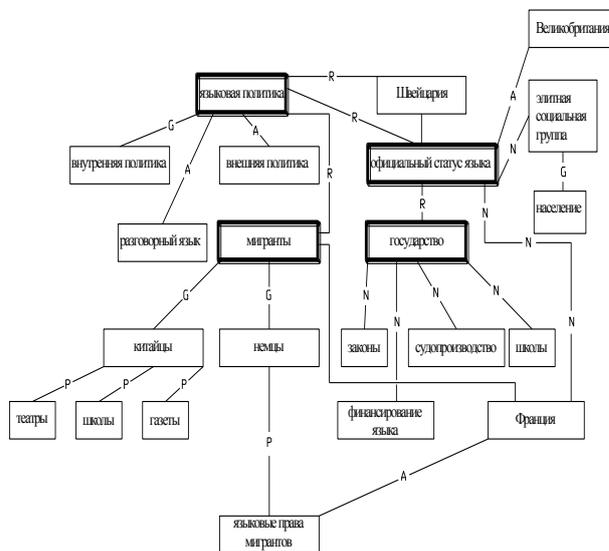

Рис. 2. – Семантическая матрица

Общий характер анализируемого дискурса довольно агрессивный. Участники и сам модератор интернет-форума в эксплицитной форме выражают свои позиции в отношении ключевых моментов языковой политики, таких, как роль государства в формировании языковой политики в регионах (особенно степень его вмешательства в языковые вопросы), отношение к мигрантам и их языковые права, положение русскоязычных в бывших советских республиках и т.д. Все эти проблемы, как показывает даже поверхностный анализ дискурса, искренне волнуют участников форума. Так, модератор, начиная дискуссию, довольно негативно характеризует современную языковую ситуацию на постсоветском пространстве и говорит о большом количестве «недовольных своим лингвостатусом». При этом он открыто выступает за минимальное вмешательство государства в вопросы языковой политики и языкового планирования. Основной контраргумент

следующего участника обсуждения звучит: «языковая политика есть часть внутренней политики государства», что позволило нам изобразить данный тезис в семантической сети в виде парциатальных отношений. И далее он добавляет: «оно (государство) должно разумно определять языковую политику с учетом сложившейся ситуации. В качестве примера успешной языковой политики участник дискуссии приводит Швейцарию. Ж1 очерчивает границы вмешательства государства в языковые проблемы, возражая модератору на его аргумент относительно чрезмерного, на его взгляд, контроля за данной стороной жизни со стороны государства. Пример, который приводит Ж1, касается Франции и ее нежелания признавать какие-либо другие языки в качестве официальных. Эта участница дискуссии также затрагивает в своем высказывании проблему мигрантов и их языковых прав. Слова о «тысячах китайцев и вьетнамцев» и их правах на «школы и газеты», послужили своего рода триггером для дальнейшей дискуссии. Так, М2 и М4 резко расходятся в своих оценках «китайцев» и признании их языковых прав. М2 выступает категорически против того, чтобы «холить и лелеять» национальность мигрантов. Кстати, именно в таком ключе высказывается некоторая часть населения «коренных жителей» бывших советских республик в отношении русскоязычных. Никаких более убедительных аргументов М2 не выдвигает, в отличие от М4, который, в целом оценивая явление миграции положительно, приводит пример массового приезда немцев в Россию с их языковыми правами. Кроме того, возражая М2, он справедливо говорит, что пример с китайцами не совсем удачный, потому что они в большинстве своем не являются гражданами России и, следовательно, лишены политических прав, в том числе и языковых. Модератор также считает, что мигранты – скорее позитивное явление, и занимает умеренную позицию в отношении их языковых прав, не возражая против школ на китайском языке и расставляя приоритеты: «Главное ведь,

чтобы они ощущали себя россиянами». Этот текст показывает, как члены группы конструируют спонтанно свое восприятие таких важных для нашего исследования концептов, как «языковая политика», «язык мигрантов», «официальный статус языка». Именно эти понятия мы выделили в качестве смысловых узлов в представленной нами выше семантической сети [8]. Этот текст также показывает возможные вербальные стратегии достижения консенсуса по данным вопросам. Участники дискуссии демонстрируют хорошую осведомленность по данным проблемам, приводят примеры из истории, описывают конкретные современные языковые ситуации, чтобы поддержать свои позиции. В основном участники обсуждения строят высказывания, подчеркивая их субъективный характер. Такой эффект достигается при помощи преимущественного употребления личного местоимения «Я», выражений типа «я думаю», «я считаю» и т.д. Такой метод исследования проблем языковой политики, конечно, может показаться долгим и утомительным, однако нам он представляется довольно эффективным инструментом получения сведений «из первых рук» по вопросам формирования общественного мнения, восприятия образов, представляемых СМИ, и анализа опыта повседневной жизни. Групповые дискуссии хотя и не могут репрезентировать статистические данные, тем не менее являются своего рода «микрокосмом повседневной реальности» [9], который довольно трудно отследить в менее динамичном контексте или тексте. Методы, описанные нами в этом разделе, можно использовать при анализе любой аутентичной разговорной практики.

Примеры, представленные нами, иллюстрируют большое разнообразие текстов и дискурсов, анализ которых мог бы нас приблизить к достижению целей нашего исследования. При этом каждый отрезок текста, в свою очередь, можно проанализировать еще более тщательно и в разных ракурсах, определяемых конкретными задачами поиска [10]. Детальный анализ может

также помочь обнаружить разного рода идеологические ловушки, которые, как правило, незримо присутствуют в подобного типа текстах. Подобный ракурс изучения должен интересовать не столько ученых, занимающихся данной проблематикой, сколько, в большей степени, политиков и государственных деятелей.

Литература

1. Карих Т.В. Коммуникативно-познавательная модель овладения технологией текстовой деятельности. М.: Тезаурус, 2005. 184 с.
 2. Дейк Т.А. Ван. Язык, Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 5 -11.
 3. Филиппов В.Р. Язык в доктрине национализма // Этническое и языковое самосознание. М: Институт народов России, 1995. С. 155-156.
 4. Фуко М. Слово и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб: А-сacд, 1994. 408 с.
 5. Wiley T.G. Learning from history. In R. N. Campbell & D. Christian (eds.), Directions in research: Intergenerational transmission of heritage languages // Heritage Language Journal. 2003. № 1. URL: heritagelanguages.org
 6. Gancez P. Microethnography. In N. Hornberger & D. Corson (eds.), Encyclopedia of language and education // Research methods in language and education. 1997. №8. pp. 187 – 196.
 7. Gee J.P. An introduction to discourse analysis: Theory and method. London and New York: Routledge. 1999.
 8. Розин М.Д., Свечкарев В.П. Проблемы системного моделирования сложных процессов социального взаимодействия // Инженерный вестник Дона, 2012, №2. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n2y2012/846/
 9. Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917 – 2000. М.; 2000. 220 с.
-

10. Свечкарев В.П., Розин М.Д. Инженерный прорыв в социальном моделировании // Инженерный вестник Дона, 2013, №4. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1979/

References

1. Karikh T.V. Kommunikativno-poznavatel'naya model' ovladeniya tekhnologiej tekstovoj deyatel'nosti [A communicative and cognitive model of mastering the technology of textual activity]. Moskva: Thesaurus, 2005, 184 p.
2. Dyck T.A. van YAzyk, Poznanie. Kommunikaciya [Language, Cognition. Communication]. M.: Progress, 1989. pp. 5-11.
3. Filippov V.R. Etnicheskoe i yazykovoe samosoznanie. M: Institute of the Peoples of Russia, 1995. pp. 155-156.
4. Foucault M. Slovo i veshchi: Arheologiya gumanitarnyh nauk [Word and Things: Archeology of the Humanities]. SPb: A-cad, 1994. 408 p.
5. Wiley T.G. Learning from history. In R. N. Campbell & D. Heritage Language Journal. 2003. № 1. URL: heritagelanguages.org
6. Gancez P. Microethnography. In N. Hornberger & D. Corson (eds.), Reseach methods in language and education. 1997. №8. pp. 187 – 196.
7. Gee J.P. An introduction to discourse analysis: Theory and method. London and New York: Routledge. 1999.
8. Rozin M.D., Svechkarev V.P. Inzhenernyj vestnik Dona, 2012, №2. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n2y2012/846/
9. Alpatov V.M. 150 yazykov i politika: 1917 – 2000 [150 languages and politics: 1917–2000]. M.; 2000. 220 p.
10. Svechkarev V.P., Rozin M.D. Inzhenernyj vestnik Dona, 2013, №4. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1979/